

ИЗ ТОМА

«На
скобы
замка»

Глава 1

Лазоревая, будто море, ночь окутала тишину города. В укроме теней притаился мой дом. Пали на землю волны покоя, словно ночные росы. И в сердце моем покой, кровь пульсирует ровно. Отдыхает притихшая Яффа, улеглось гневливое море. Лишь невнятные стоны сверчка слышны от стены моего дома. Я сижу на крыльце, а сердце мое мыслит, размышляет. Я закрываю глаза, чтобы лучше видеть, но слезы колют мне глаза, как колючки пустыни. Чем глаза мои отличны от других, что всечасно плачут? Глаза мои подобны розам, что всечасно орошаемы слезами. Я встаю и беру цветы, которые выставил у порога в ночь прихода ко мне Сальсабила. Подношу цветы к глазам и говорю им: вот, я кладу вас на свои очи, чтобы вы цвели от влаги моих слез.

Вдруг прохладный морской ветер дохнул в сад, и деревья сада схлестнулись ветвями. Может, эхо забытых слов различу я или мысли мои возликуют снова. Смолкни, душа, и услышу.

Лилия, которую принесла мне от соседки голубка, покачнулась в бокале — есть голубка у моей соседки Рухамы, и она принесла мне бутон или цветок, когда прилетала поклевать с руки крошки. А теперь беспокойна лилия в бокале, потому что я не дал ей водицы, я же сказал: не время поливать твой цветок, Рухама; время ложиться в постель, спать и видеть во сне Сальсабилу.

Пока я беседую со своим сердцем, пришла Сальсабила. Сердце мое затрепетало, подскочило к гортани, а слова затаились во рту — ничего не сказал я Сальсабиле. Я взволнован, какие тут речи? Ее очи глядят на меня, а мои — на Сальсабилу. И хоть я не робкого десятка, не осмелился посмотреть ей в лицо, лишь на ноги ее я глянул. Как прекрасны ножки

твои, Сальсабила, туфельки твои — как цветочные горшочки!¹ Я припал к ее ногам, и мой лоб коснулся прохладного ее платья. Долго лежал я у ног Сальсабилы, Сальсабила ж на меня смотрела. А когда я вновь поднялся, Сальсабила рядом не увидел. Но небо полно звезд, и сладостно моему сердцу.

Глава 2

Бобылем ковыляет мой день, не слышно шагов Сальсабилы. Даже если криком кричу, не идет Сальсабила. Лишь отзвук голоса своего я слышу, звука шагов ее я не слышу. Сажу и не знаю, что мне делать. Обхватил голову руками и говорю: «Сальсабила не идет, но если ты, моя головушка, занята мыслями, стоит тебе поразмыслить, как вернуть сюда Сальсабилу». Я сжал голову посильнее, чтобы думала, чтобы полнилась великими мыслями. И что же — волосы на моей голове побелели между пальцев. И вспомнил я локоны покойной Данессы, один из которых я ношу на сердце, и он черен, как в тот день, когда дала его мне Данесса. Юн я, молод, а волосы мои седы. Завтра придет Сальсабила и меня не узнает.

На краю моего стола лежит девичий череп, а в черепе горит свечка. Тени наводят жуть, а свеча шлет свет цветам, ожидающим Сальсабилу. В прозрачной воде клонится, как от боли, лилия, и благоуханием полнится дом.

Я стою над цветами, приникаю к лепесткам губами. Собрал я все цветы, что были в доме, растворил окно, позвал двукратно: «Сальсабила! Сальсабила!» Я хотел бы держать в своих ее руки и рыдать над ними. Растопите, слезы, кольцо рук ее, что меня благословили, и пусть они снова сомкнутся.

Чу, вроде голос слышится за домом. Тень от дома моего льнет к дому, словно обнимает. Выйду-ка я, гляну, кто там.

¹ Ср.: «Как прекрасны ноги твои в туфлях, дочь именитая!» (Песн. 7: 2).

Глава 3

Ночь лазоревая, будто море, — и несут меня лазурные волны. Не спеши, душа моя, не надейся напрасно.

Улицы тихи, белее белого песок под ногами. Вот он играет с моей тенью, ловит ее и отпускает и снова ловит и бросает. Облачусь в лунный свет, стану за городской чертой, у семи сестер-сикомор стану. Тень листьев стекает на гладь песка, оплетает дюны.

Сел я на песок и позвал: «Сальсабила, Сальсабила!» Вот озирается улитка, а ночь накрывает ее своей лазурью. Вздрогнула улитка и сжалась. Зова ли моего испугалась, ночных ли страхов?

Многие минуты миновали, а Сальсабила не появлялась. И все ж я не сдавался, не говорил: не сбылась моя надежда, но в глубине сердца ждал, что она придет и я, как прежде, поцелую ее в очи. И коль скоро дорога мне Сальсабила и любо-дорого мне ее имя, я достал ножик и вырезал ее имя на стволе, чтобы видеть его перед собою. Так я стою, и вдруг прилетел светлячок и уселся на буквы, вырезанные мною на стволе, и радостно стало мне, оттого что ее имя светится передо мною. Не подумал я, что светлячок будет светить, пока не прилетит на его свет подруга и не уведет его за собою, потому что лишь о себе и о Сальсабиле я думал.

Глава 4

На пороге дома я застал Рухаму, мою маленькую соседку. Спинка ее стройна, на волосах роса ночи. И вся она словно влажная роза. Рыжеваты волосы ее, трепетно тельце под тоненьким платьем.

«Здравствуй», — сказала мне Рухама, и я ей тем же ответил. Рухама еще малышка, вряд ли выросло дерево, из кото-

рого сделают для нее брачное ложе. Но когда я взял ее руку, рука ее затрепетала в моей ладони.

Молча стояла Рухама, не произнесла ни звука. Вдруг разомкнула губы и сказала: «Хемдат». Сердце мое забилося, ведь с тех пор, как Яэль¹ ушла от меня, никто не называл меня по имени. Собрал я силы в сердце и спросил: «Разве ты не спишь, Рухама?» — и она отвечала: «Нет». И опять я спросил: «Может, ты и спать еще не ложились?» — и она отвечала: «Ложились». Я спросил: «Отчего же ты встала и почему не лежишь, почему ты стоишь тут под небом, разве не время спать сейчас, Рухама?» — и она мне в ответ: «Голубка моя меня разбудила; с той поры как пропал ее голубь, совсем она сна лишилась». И опять я спросил Рухаму: «Твоя мама знает, куда ты пошла?» — а она мне в ответ: «Разве небо знает, куда ходят его звезды?» Испугался я ее слов и сказал: «Тише, Рухама, тише, не поминай про падающие звезды, а то как бы, не дай Бог, не сбились с пути звезды наших судеб. Лучше отведу тебя в дом матери твоей, а то холодны наши ночные звезды, ты же вся горишь и трепещешь. Вернись домой, пока не простыла».

Но Рухама не послушала меня и продолжала беседу: «Скажи мне, Хемдат, куда ты идешь?» — я ответил ей: «Спать». Изумилась моим словам Рухама. Я сказал: «Быть может, посижу немного, а потому уж лягу». — «А пока не ляжешь, что будешь делать?» Но я ничего не ответил. Я вспомнил о Сальсабиле и о том, что буду ждать ее ночью. И добавил: «Я хочу прибрать дом и расставить вещи, приготовить все к приходу гостя». Я говорю, а ее щеки пунцовеют. Спросила меня Рухама: «Яэль?» И страшно мне стало от ее слов, но я сдержался и не открыл ей своей тайны, лишь сказал: «Хороша эта ночь, оттого и решил я — посижу дома, у окошка, и стану смотреть на море».

¹ Яэль Хают, героиня повести «Песчаный холм». См. в кн.: Агнон Ш. Й. Под знаком рыб / Пер. Р. Нудельмана и А. Фурман. М.: Текст; Книжники, 2014. С. 69—134.

Выслушала Рухама, и губы ее искривились страданием. Глянула Рухама на мою руку, и ноги ее подкосились. Спросила: «Для кого эти цветы, что у тебя в руке?» А я взял цветы, чтоб дать их Сальсабиле. Вздернула Рухама лицо, и губы ее заалели. Сказала: «Дай мне цветок». Но я не дал ей тех цветов. Как отдам ей цветы, приготовленные для Сальсабилы?

Женщина, у которой я купил сегодня цветы, воткнула в петлицу моего пиджака розу. Вынул я ту розу и отдал Рухаме. Взяла Рухама цветок и прижала к сердцу. Но тревожно было розе, потому что сильно билось и стучало сердечко Рухамы. И понял я, что тоскует роза и хочет вернуться туда, откуда ее взяли. Я провел рукой по волосам Рухамы — волосы Рухамы теплы и рыжеваты. Едва я ее волос коснулся, Рухама подошла ко мне близко-близко, дрожит и трепещет, словно роза под ножом садовника. Невидимая рука сняла розу с платья девочки и положила на сердце мужчины. А мужчина тот — я. Обняли мои руки малышку Рухаму, я поднял ее, и ее губы слились с моими. Из ее горячих уст текли росы поцелуев, а моя душа билась в ознобе.

Глава 5

Комната моя покойна и тиха. Правда, иногда слепой стучится у порога, просит хлеба. «Бог подаст», — отвечает ему кухарка и не дает калеке ни крошки. Слепой узнает ее голос и в который раз клянет незрячие глаза, что снова привели его на то же место.

А я попеняю слепцу: отчего он делает одно и то же многократно. Но такова доля слепца, не наделен он глазами. Вознесу очи горé и возблагодарю Бога, Который в милости Своей одарил меня зрением. И не ошибусь впредь, как ошибался прежде, обхаживая многих девиц и Яэль Хают.

Я сажусь на крылечке отдохнуть немного от всяких мыслей, прежде чем пойти на встречу с Сальсабиллой. Солнце по-

убавило свой свет, и мой дом прикрывлся теньями. Гляжу я на тени и говорю: «Мир вам. Видно, любви вам, тени моего дома, колодец, и деревья в саду, и чешуйчатая ящерка-медяница. Напрасно ты облачилась в кольчугу, ящерка, вот и к твоему сердечку подобрался вечерний ветер».

Сижу я у порога и наблюдаю, куда-то пойдет солнце и где найдут ночлег птицы. Слышу — пернатые перекликаются на лету, мелкие пичуги сбиваются в стайку, вижу — солнечные лучи прячутся в птичьих крыльях. Знаю я, скоро наступит ночь. И говорю себе: пора вставать и идти к Сальсабиле. Сумерки свивают себе в ветвях ночной полог, и уже мерцают вечерние звезды. Легчайшая прохладная грусть мне чело осеняет. О Создатель, Ты велик, и мысли, которыми Ты наделил человека, весьма тяжки. Часы сменяли друг друга, а я так и не пошел, как ходил еженощно, в город и за город, но остался дома поджидать Сальсабилу.

Ночные тени неожиданно увлажнились. Я беру пальто, кутаюсь теплее, и продолжаю сидеть, и понимаю, что Сальсабила не пришла. Встаю, иду к себе в комнату, беру в руки цветы, и подношу их к губам, и кладу на порог, предварительно сметая пыль с порога. Я зажигаю лампу, чтобы Сальсабила увидела — светло в моем доме.

И снова я сижу на крылечке, напрягаю слух, чтоб услышать, чтобы различить звук шагов Сальсабилы, когда она придет ко мне. Слышу — шаги, женская поступь. И говорю в сердце своем: припозднилась ты сегодня, Сальсабила. Нет, я и не думал сердиться, рад я был, что Сальсабила все-таки пришла.

Но Рухама, моя маленькая соседка, протянула дрожащие руки и сказала: «В твоём доме свет, а ты сидишь в темноте». Я встаю со стула и говорю: «Вот возьму и вынесу лампу, а если тебе мало — зажгу еще одну, чтобы при удвоенном свете считать рыбок в море».

Я пошел за лампой, а Рухама за мною. Я склонился над лампой подвернуть фитиль и добавить света. Соприкосну-

лись наши руки, и я вздрогнул. Лампа упала и разбилась. Мы сидим во тьме, и я слышу, как стучит сердечко Рухамы. Рухама сказала: «Хемдат, ты стоишь по ночам возле моего дома». Я ответил: «Неправда это, Рухама, ох неправда». А она в ответ: «Злые соседки рассказали маме, что видели, как ты ходишь у нас под окнами, да и мама тоже всю ночь слышала мужские шаги». Я же так ответил Рухаме: «Подшутила над тобой твоя мама, разве слыханно, чтобы мужчина проводил ночи под окном девчонки». Бледность залила лицо Рухамы, но я о ней не думал, я продолжал говорить: «Ну сама посуди, как я мог стоять под твоим окном, если я гуляю за чертой города». Я и в этот раз не открыл ей тайну Сальсабилы. А как вспомнил о Сальсабиле, заныло у меня сердце.

И повысил я голос на Рухаму: «Ступай домой, Рухама, ступай домой!» Но Рухама не послушалась меня, не ушла. Я растворил окно на улицу, чтобы звезды видели и знали: не лежит у меня сердце к этой девчущке, одна лишь Сальсабила в моем сердце.

Рухама молчит, а душа ее плачет. Жалко мне Рухаму, как жалко всякого, в ком душа живая. Вот и сверчка, что у стены, мне жалко — всю-то ночь он не спит, а плачет. Отчего ты не спишь, сверчок? Вот я спою тебе колыбельную. И для тебя, аспид, я сложил песню. Я, Хемдат, целовавший зрак змеиный. Всяк орел в небесах знал о том и злился, потому что им, орлам, аспида не одолеть. Зима приходила и миновала, а я ничего не написал, не дали мне орлы пера из своих крыльев. Так и шло время, пока Ангел поэзии не подарил мне золотое перо из своего крыла.

Поглядела на меня Рухама и вздрогнула, взял я ее руку в свою и сказал: «Земля уже дважды повернулась на своем ложе, ступай домой, спать».

Я пошел проводить Рухаму. В конце ряда домов, в предпоследнем ряду зданий квартала Неве-Цедек, живет Рухама. Я и не заметил, что она сбила меня с толку и повела длинной, кружной дорогой. По пути Рухама рассказала, что учится иг-

рать на скрипке. А останется одна — берет инструмент и играет, пока не утихнет грусть и не успокоится сердце. Ибо сердце ее бунтует, оттого что мама следит за каждым ее шагом, как бы не пошла она к Хемдату. И еще сказала Рухама: «Может, ты, Хемдат, подумал, будто есть что-то между мной и учителем? Подумал, что мы — жених и невеста? Знай же, что, когда учитель соберется играть в концерте, я откручу колки на его скрипке, он же ничего знать не будет, а начнет играть — и не сможет, потому что все струны ослабнут, и люди станут смеяться и его освищут». И еще сказала Рухама: «Ты видел, какие желтые у него пальцы? Это потому что с раннего утра и до ночи он не переставая курит. Боюсь я, как бы не дотронулся он до моих волос, как бы не пристал к ним табачный запах».

Рухама наклонилась и спросила: «Ты думаешь, мои волосы пахнут табаком? Положи руку мне на волосы и убедись, что ни капли табачного запаха нет в них». Я сказал: «Рухама, разве я не трогал твои волосы еще вчера и третьего дня?» Поникла Рухама, и я понял, что она печальна. Погладил ее по волосам и сказал: «Как хороши твои волосы, Рухама, счастлив муж, который будет гладить твою головку. Твои волосы — что скрипичные струны, и я играю на этой скрипке. Я сыграю новую песню, песню золотых рыбок, которых русалка принесла в царские ручьи и речки. Увидел ее царь и погладил по волосам. А теперь я поведаю тебе, что сделала русалка со своими волосами. Обрила все свои волосы, чтобы никто другой после царя их не коснулся, и положила их царю под ноги».

Подняла Рухама ко мне лицо и приблизила дрожащие губы. Я накрыл ее губы рукою. Внезапно снизошел на меня дух мудрости, и я сказал: «Теперь, когда ты услышала песню золотых рыбок, будем немые, как рыбы, и не скажем ни слова, пока не дойдем до твоего дома, Рухама».

Так мы шли и дошли к ряду зданий, где стоял дом Рухамы. Я открыл дверь ее дома и сказал: «Пусть будет сладок сон твоей душе, Рухама, и мирно пробуждение утром». Сжалась, поникла Рухама, плечики ее задрожали; она скрылась в глубине

дома, темнота ее поглотила. Я пошел к себе, и все звезды ночи провожали меня до дому, потому что там, у себя в доме, я буду ждать Сальсабилу. Сальсабила, нежная моя невеста, я стражду, ожидая дни напролет встречи с тобою.

Многих девушек я целовал. Целовал покойную Денису, лобызал ее задорный подбородок. Теперь она лежит в могиле, и комьями земли пересыпаны ее кудри. Словно в брачную ночь сияли ее мечтательные очи, и я целовал их. Целовал я Вильму. Улиткой липли к моим ее губы, рою пчел были подобны ее поцелуи, пчел, истекающих медом, позабывших ужалить. Целовал я златоокою Тею, чьи глаза подобны змеиным под лучами солнца. Так я менял девушек и женщин, потому что одну лишь любил. И эта одна — ты, Сибилла¹, я ж боялся, как бы не ославили тебя сидящие у городских врат, как бы не стало твое имя притчею во языцех, оттого и целовал столь многих, и не знали они, что тебя одну я люблю, Сальсабила. А окончив говорить с Сальсабилой, я достал из кармана ножик, глянул на лезвие и, как в зеркале, увидел свои губы. И поцеловал отражение своих губ, ибо весь тот день не сходило с них имя Сальсабилы.

Я шел, не успел уйти подальше, как встретился мне ночной страж квартала Неве-Цедек и спросил: «Отчего вам, господин, не спится?» Я ответил: «Не могу заснуть» — и не открыл ему, что поджидаю Сибиллу, чтоб и он не стал думать о Сибилле. Вздохнул он и сказал: «Один хочет спать, да не может, другой может, да не спит». И ночной страж посоветовал мне пойти к врачу и попросить снотворное лекарство. Посмеялся я в сердце своем глупому совету и сказал себе: «Если бы сна я желал, тотчас принял бы слезинку дочери царской, спящей в тайной пещере, пока не придет за ней ее друг, а не придет — не миновать ей смерти. Всякий пожелавший сна пусть возьмет и выпьет ее слезы, и вмиг его сон одолеет».

¹ С этого момента имя загадочной девушки начинает двоиться: то Аггон пишет «Сальсабила», а то — «Сибилла».

Глава 6

Я вернулся к себе и лежал, пока солнце не скатилось в море. И было, когда солнце к морю склонялось, я увидел, как стены моей комнаты окрасились красным, тем глубоким красным цветом, что бывает у скрипок. И еще я увидел, как последние лучи солнца протянулись в моей комнате, словно струны, и вся моя комната — скрипка: я сижу внутри скрипки, а скрипка играет, песнь поет Сальсабиле. Так сидел я и слушал, и услышал звук шагов Сибиллы на ведущих ко мне ступенях, и вскочил, и рванулся ей навстречу. Вот она пришла, и я не знал, что думать, потому что выглядела она совсем как Рухама. И я понял, что ошибся, что всего-то это Рухама.

А Рухама поникла головою и сказала: «Ты, Хемдат, мои волосы гладил». Я в ответ едва не рассердился, мол, неправду ты говоришь, Рухама. Но Рухама на своем стоит: нет, гладил. Все-таки я сдержался и решил послушать, что еще она мне скажет. Может, стоит выслушать ее, бредящую Хемдатом. А Рухама добавила: «Я тебе свои волосы не принесла, себе оставила, на память, ведь твоя рука их касалась».

Тут только я заметил, что на голове ее черный платок, а волос нет. Я засмеялся: «Ты, Рухама, похожа на подростка, который побрился, провел рукой по подбородку и почувствовал, что он колючий». А Рухама сняла платок и склонила голову. Я провел рукой там, где были волосы, а она сказала: «Ой, прости, если ты уколол руку». Я сказал: «Поначалу, Рухама, я сравнил тебя с отроком, с чем сравню тебя нынче? С апельсином в саду миндальных деревьев, потому что голова твоя — золотистый плод и лик твой — на миндальном дереве бутоны».

Так сидел я в комнате с Рухамой. Смотрит Рухама вокруг, все примечает: и зеленые занавески, и девичий череп. Все в этой комнате ее изумляет. Спросила: «Разве ты врач, Хемдат, что принес домой череп?» Я ответил: «Нет, не врач я, лишь

люблю смотреть на этот череп и особенно на пустые глазницы, потому что они напоминают, что положен предел глазу, что не видит он того, что сзади». И радостно мне стало, оттого что Всевышний дал мне мудрость достойно ответить Рухаме. Уж теперь она поймет непременно, что я не посмотрю больше на Яэль Хают и на ее зеленые глаза, что позади меня остались. А Рухама поглядела вглубь комнаты и заметила мою постель. Спросила: «Откуда перышко на твоём одеяле?» Я глянул — и вижу: белое перо лежит на моем одеяле. И сказал: «Это твоя голубка, Рухама, прилетала ко мне сегодня».

Так мы сидели в комнате и о многом говорили, и поскольку говорили о многом, я не стану вовсе этого касаться. Так сидели мы и говорили, пока я не встал, чтобы проводить ее домой, ибо не позволило мне сердце отпустить ее идти одной ночью. Я сошел по ступеням, отворил дверь, и увидел, что звезды на небе сменились, и стал торопить Рухаму. Рухама встала со стула, снова оглядела комнату и сказала: «Перышко моей голубки лежит на твоей кровати, Хемдат». И я не мог понять, зачем опять она об этом заговорила.

Проводив Рухаму домой, я не вернулся обратно, а отправился за черту города и долго шел песками, пока не пришел к сикоморе с вырезанным на стволе именем Сальсабила. Я сел под сикоморой поджидать Сальсабилу, и радовался, что Сибилла еще не пришла, потому что негоже Сибилле ждать Хемдата, это Хемдат должен ждать Сибиллу.

Вдруг я увидел светлячка на буквах, на имени Сальсабила. И обрадовался тому, что светится это имя. И так сильно трепетало во мне сердце, так оно было благодарно, что я преклонил колена и уткнулся головой в сикомору, продолжая ждать Сальсабилу. Вдруг мне в лоб вонзилась колючка, но я ее не вынул, я взял светляка и посадил его на эту колючку, и мой лоб стал лучиться светом. Я воскликнул: «Смотри, Сальсабила, факелом светит мой лоб, озаряя твой путь ко мне, Сальсабила». И еще я сказал: «Слышала ли ты об одноглазом великане? Я — этот великан». И еще сказал: «Слышала ли ты о семи девицах,

которых целовал этот великан? Семь девиц лобызал этот великан, потому что его глаз был обычным человеческим глазом. Но когда у него во лбу иной глаз открылся, он увидел царскую дочь и больше на девиц не смотрел вовсе. Ты — царская дочь, Сальсабила, а я — тот великан».

Я зажмурился крепко-крепко, чтобы ничего не видеть до ее прихода. Подошла ко мне Сальсабила, положила руки на глаза мне. И сказал я: «Видела ли ты девичий череп на моем столе?» И отвечала: «Видела». Я сказал: «Положи, будь добра, свои пальцы мне на глаза, чтоб глаза мои погрузились глубоко в глазницы, как в том черепе, и увидишь, что у меня в сердце». Сальсабила засмеялась, и ее смех прильнул к моим слезам. А Сальсабила сказала: «Мне жаль, что я тебя разбудила, Хемдат, когда ты так хотел уснуть». Я ж ответил: «Слышала ли ты, Сальсабила, о старом царе, который не давал своим глазам спать?» И сказала Сальсабила: «Нет, не слыхала». Я сказал: «Тогда расскажу тебе о том царе». И сказала Сальсабила: «Расскажи». Я поведал ей историю о царе, который ждал и верил, что придет царица и вместе с ним будет править на троне, и не позволял себе спать никогда, чтобы не пропустить ее прихода. Многие девицы стояли рядом с царем денно и ночью и удерживали его веки золотыми щипчиками, ибо царь состарился, ожидая, и глаза его не желали больше видеть.

Посмотрела на меня Сальсабила и сказала: «Покраснели глаза твои, Хемдат». Я сказал: «От света моих грез они покраснели». И спросила Сальсабила: «Отчего ты не спишь, Хемдат?» Я ответил: «Разве зря я тебе рассказал историю царя?» И она не нашлась, что ответить. И стало мне горько, оттого что она замолчала. Я сказал: «Сальсабила, я хочу тебя кое о чем попросить». И она отвечала: «Проси». Я собрался с силами и сказал: «Позволь мне коснуться твоих волос». И она отвечала: «Все, что у тебя на сердце, делай». И все же я ее волос не коснулся, боясь, что закровоточат мои пальцы и окрасят ей волосы, ибо кровь взволновалась в моих пальцах. Ничего не сказал я Сибилле из того, что было у меня на сердце, да толь-

ко Сибилле это и так известно, потому что сердце мое во мне светит.

«Чем сердце твое отлично от других сердец, Хемдат, что оно так светит?» — спросила меня Сальсабила. Я склонил голову в смущенье, оттого что сердце мое сияет, и так отвечал Сальсабиле: «Не иначе как светлячок поселился в моем сердце. Ой, прости, если обжег мой свет тебе очи». И больше уж не подпускал к себе Сальсабилу, чтобы не дотронулась до моего сердца, чтобы оба мы не сгорели. Я заплакал, ибо яркое солнце осушило мои слезы поцелуем.

Глава 7

После этого я вернулся домой и провел весь тот день дома, размышляя о добром и великом. Я исследовал свое сердце и понял, что не от большого ума рассказал Сальсабиле о Денисе, Вильме и Тее. Я надеялся, что она догадалась, что три эти девушки — иносказанье.

Я сказал: «Объясни мне, Сибилла, кто та, которую я называл Денисой? Она — чудо юности, ушедшей безвозвратно, ведь дни юности давно в могиле». И еще сказал: «А что ты, Сибилла, думаешь о Вильме?» И добавил: «Я сравнил ее поцелуи с пчелиным роем, ведь за страстью к наслаждениям мы забыли о боли укусов. А кто такая Тея, чьи глаза, как у змеи в лучах солнца? Даже если не скажу тебе, поймешь: она — символ блестящей любви, но за этим блеском аспиды гнездятся».

Я устал от обилия мыслей и собрался пойти к морю, поглядеть на морские волны, отдохнуть от своих размышлений. И пошел я к морю, и увидел, что солнце садится в море, рыбаки возвращаются с уловом, их шаги хрустят по ракушкам. Я подумал: соберу немного ракушек, разложу их во дворе и на ступенях, и когда придет Сальсабила, я услышу, как она ходит. И еще, быть может, сохранится отзвук ее шагов в ракуш-